В марте 2015 года не стало члена-корреспондента Российской академии художеств Александра Андреевича Шумилкина. В собрании Томского областного художественного музея 19 работ художника, созданных в период двух десятилетий: 1969-1989. Его живописные полотна хранятся в собрании Русского музея, Третьяковской галереи, музеях Сибири и России, в частных коллекциях в стране и за рубежом. Теперь это уходящая история – яркая страница в книге художественной жизни Сибири.

Он, паренек из маленькой деревни Нарга, что затерялась на берегах Оби в Кривошеинском районе Нарымского округа Западно-Сибирского края (ныне в Молчановском районе Томской области), ворвался в искусство ярко как молодая звезда, как лидер мощно и, казалось, навсегда. После окончания Свердловского художественного училища продолжил учебу в институте имени И.Е. Репина, который тогда называли «академией». Дипломной работой «Сплавщики» (1966) руководил профессор Александр Дмитриевич Зайцев, ученик А.А. Рылова. Во время учебы Александр Шумилкин воспринял особую атмосферу ленинградской школы, и профессиональная культура этой прославленной школы 1960-х наложила на него свой особый отпечаток. Художникам ленинградской школы было присуще тяготение к созданию произведений большой общественной значимости, к культуре профессионального мастерства, к изысканной гармонии цветовых отношений и обобщенным живописно-пластическим образам. Её ведущим представителям свойственна высокая художественная культура и то, что

Н. Пунин назвал «ленинградским ощущением живописи… с каким-то глубоко честным, глубоко чистоплотным отношением к средствам выражения».[1]

Он вернулся в Томск в 1966 году. Сразу после первого участия в зональной выставке в Омске в 1967-м был принят в члены Союза художников. И далее все происходило стремительно: в 36 лет первая персональная выставка в Томске, где было показано 120 работ. Удивляло и количество, и новый современный язык, и взгляд, и стильность полотен. С этого времени в его работах всегда необъяснимо сочетались яркость образов, притягательная пульсирующая энергия и вместе с тем логическая рассудочность. Работы Александра Шумилкина экспонировались в год на нескольких крупных выставках в стране, а с 1973 года за рубежом. В 40 лет он открывает большую персональную выставку в Москве, экспонируя 110 полотен. Уже через полгода получает звание «Заслуженный художник РСФСР». Его персональные выставки успешно проходят в Ленинграде, Свердловске, Белгороде, Варшаве и Томске. Александр Шумилкин становится «Народным художником РСФСР» и членом-корреспондентом отделения «Урал, Сибирь и Дальний восток» Академии художеств СССР. Очень быстро он занимает свое место среди самых известных российских живописцев, разрабатывающих северную тематику. На открытии выставки в Москве его учитель А.Д. Зайцев сказал: «Он с самых первых лет показал, что у него есть настоящее нутро художника…В его работах есть образность, есть характер, есть сила» .

Его талант, трудолюбие и частые непростые путешествия по сибирскому северу послужили основой для циклов работ, объединенных изысканным стилевым единством. В 1960–1980-х он много путешествовал от Урала до Чукотки: Новая Земля, Уренгой и Самотлор, Заполярный Урал, Гыданская тундра, Васюганские болота, и, конечно, Томск и малая родина – хутор Нарга, где последние 30 лет была его вторая мастерская.

---

[1] Сурис Б. Николай Фёдорович Лапшин // Страницы памяти. Справочно-мемориальный сборник. Художники Ленинградского Союза советских художников, погибшие в годы Великой Отечественной войны и в блокаду Ленинграда. – СПб, 2010. – С. 136–139.

Северные маршруты ему приходилось преодолевать на вертолетах, пароходах, нартах, проходить пешком. Это территории исследования его основной темы, которую Шумилкин определил просто – «Моя Родина». Найти свою тему – во многом для художника означает обрести свое лицо. Шумилкин стремился передать первозданность сибирской природы, боль за безжалостное уничтожение красоты и цельности мира. Высокий профессионализм и вкус помогали оттачивать авторское мастерство. Очень быстро Шумилкин создал свою «систему высокого стиля». Потребность глубоко ощущать связь с родной землей, с нравственными истоками народной культуры, особенностями сибирского характера, жизнь в тундре, тайге у охотников и нефтяников помогли художнику в переоценке понимания современности, образного языка живописи.

Он искал объективные законы выражения целостного, монументального восприятия Сибири, работая в основном над пейзажами и портретами. Это была не туристская любовь с поверхностным обожанием и восторгами, где не надо прилагать душевных усилий. Для кого-то тундра – унылое гигантское болото, пусть даже самое большое в мире – Васюганское, а для Александра Шумилкина – живая красота каменных и мшистых ковров, усыпанных аметистами холодных озер. Для кого тайга ассоциируется со словом – дебри, «дрова». А для него ветка кедра – смычок, излучающий музыку недр. Шумилкин иногда вспоминал документальную дневниковую повесть, которую он прочел в сборнике «Серебряные рельсы», нашего земляка В.А. Чивилихина об известном томиче А.М. Кошурникове и его друзьях – изыскателях трассы Абакан-Тайшет. Это были люди особой породы, с которыми сводили художника северные странствия. Подобно им, исходил, изъездил, облетал и проплавал не одну тысячу километров, забираясь в самые дальние, нехоженые места. Находил свою правду и надеялся убедить в ней нас. Признавался, что Север порой «балует» – преподносит уже готовые образы. Надо только увидеть их. Но в таких «случайностях» есть своя закономерность – длинная цепь интуитивных шагов к определенной цели.

Пейзажи и портреты Александра Шумилкина были заметны на выставках. Они эпически возвышены, немногословны, кажется, автор отказывался от всего второстепенного. Усиливал эстетику холста драматической нотой внутренней экспрессии. В основе драмы – сложное отношение автора к грубому вхождению «человека созидающего» в мир тонкой гармонии: буровые вышки, разливы нефти, брошенная техника, пожары, следы от вездеходов по ягелевому ковру тундры…К природе у Шумилкина особое пантеистическое отношение. И отсюда нескрываемый драматизм большинства холстов художника. В холстах земля предстает в образе лежащей женщины, окруженной цветами озер и лентами рек или в образе огромного доброго тюленя, на теле которого стоят чумы. Река-змея могучая, гибкая и сияющая в своем одеянии, дышит весенними ветрами и окружает суровый, а не сказочный мир первичной чистоты («В долине Гыдана», «Весенние ветры»). Идея бесконечности мироздания живет в работах художника рядом со звучной космичностью пространства земли и неба, с нотой пантеистического озарения, со строгим построением композиции, лаконизмом и тонкой декоративностью. Художник намеренно выбирает точку зрения с высоты птичьего полета или из иллюминатора самолета, вертолета. В большинстве работ подобное построение пространства имеет целью придать пейзажу эпический характер. Он часто как бы совмещает в пейзаже несколько точек зрения, сложно и внимательно разрабатывает первый план. В этом автор находит свое решение картины-пейзажа.

Для Шумилкина именно 1960-е и 1970-е годы стали временем поисков динамичной и универсальной пластической структуры выражения «связи времен и пространств», целостного и гармоничного взгляда на мир. Оставаясь непосредственным, этот взгляд передавал личное и одновременно «всеохватное ощущение», в котором слились и тонкая красота сибирской природы, и неразрывно связанный с нею мир сибиряка, с детства близкий художнику, и масштаб её пространств и её истории, и духовная высота поэтической традиции.

При всей многогранности творческих интересов живописца центральное место в его творчестве принадлежит пейзажу, что в целом характерно для большинства сибирских мастеров его поколения. Пейзажи Александра Шумилкина узнаваемы. Они поэтически возвышены, немногословны, кажется, автор

отказывается от всего второстепенного, подчиняя холст главному – лаконичному и стильному образу Сибири.

Усложнившийся духовный мир художника, большая внутренняя сосредоточенность требовали более тонкого и живописного языка. Если многие художники в это время стремились к декоративной обобщенности цвета, А. Шумилкин, напротив, добивался предельной естественности, скромности колористического решения. Если в пейзажах начала 1970-х, то сгущаясь, то становясь более прозрачными, ведут свою тему два голоса – сложный серый цвет северной земли, освещенных полос леса и вторящий ему глубокий «космический» голубой, цвет неба, то в пейзажах 1980-х начинает преобладать очевидная четкая структура построения плоскости полотна как «цветового рельефа», образуемого несколькими слоями холодных и теплых тонов («Полярный Урал». 1979; «Заполярье. Осень». 1979). Каноном в его живописной манере, в начале 1980-х также стало признание особой роли «природного» живописного материала, использование приема «рельефного объемного пространства» первого плана.

В 1986 году в издательстве «Художник РСФСР» вышла монография об Ал.А. Шумилкине, где искусствовед С.Н. Левандовский писал о работах 1980-х годов: «Ясно одно: этим работам, при неповторимости взгляда на мир природы не суждено стать последним словом художника. Уверенность в этом вселяют не только личностные качества живописца, который по самой своей натуре не может, не способен довольствоваться достигнутым, но и объективные требованиями времени».[2] В конце 1980-1990-х, когда от художников стали требовать «оказания услуг», когда реализм во всех его формах был выброшен с «корабля современности», Ал.А. Шумилкин выступает в томской областной газете с большой программой статьей «Знать и защищать ценности культуры».[3] Его предостережения и прогнозы о стремительном росте бездуховности и коммерциализации искусства оправдались. Однако сам художник ушел в «пространство внутренней эмиграции»: он писал, но не экспонировал свои работы на выставках. В беседе с автором статьи Александр Андреевич Шумилкин утверждал: «Может сложиться точка зрения, что весь мир ограничился для меня «границами» Севера. Но узких границ у Севера, как и Сибири, нет. В родных местах для художника всегда собраны воедино самые важные части всего мира»[4].

---

[2] Левандовский С.Н. Александр Шумилкин. – Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 63

[3] Шумилкин Ал.А. Знать и защищать ценности культуры. – Красное знамя, 1988, 3 апреля

[4] Архив Т.Н. Микуцкой